

Светлана Алешина

Две головы лучше

Часть сборника
Две головы лучше (сборник)

Светлана Алешина
Две головы лучше
Серия «Александра»

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6001495

Алешина С. В. Две головы лучше. Изящный стиль работы: Повести.:

Эксмо-Пресс; Москва; 2001

ISBN 5-04-007152-4

Аннотация

Какая-то девица в кожаном прикиде ошивается возле небольшого элитного дома, явно что-то высматривая. Она не может не привлечь к себе внимания частного детектива Александры Данич, оказавшейся здесь тоже не случайно: ее наняли жильцы, обеспокоенные тем, что вокруг снуют какие-то подозрительные личности. Не сразу до Саши доходит, что «кожаная» девица – ее коллега. Все жители этого дома замешаны в преступлении, и Лиза Борисова взялась их разоблачить. Александра с жаром включается в ее расследование. Одна голова хорошо, а две лучше – это тем более верно, когда за дело берутся две энергичные сыщицы...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	20
Глава 3	34
Глава 4	49
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Светлана Алешина

Две головы лучше

Глава 1

Я швырнула трубку на рычаг.

– Бесплезно, – сказала я. – Где он может быть?

Честно говоря, я не особенно верила в то, что этот паразит действительно даст мне «Цветные баллады»!

Конечно, он предпочел в нужный момент просто исчезнуть, чтобы не выглядеть плохо – выглядеть плохо в чьих-то глазах, даже в моих, было не в правилах Димочки Карцева. Но надежда умирает последней, и я снова набрала двадцать пять – ноль-ноль – восемьдесят.

Телефон издевался надо мной, выдавая длинные, раздражающие гудки.

Вы замечали, что, когда тебе кто-то нужен до зарезу, этого человека не оказывается дома?

– Ну и как? – поинтересовался Пенс.

– Никак, – ответила я, до боли прикусив нижнюю губу. – Мои надежды пошли прахом... Нельзя доверять Карцеву. Он сделал это нарочно! Чтобы доставить мне неприятные минуты... Он надеялся, что я буду горько страдать и плакать! Но назло этому Карцеву я не стану этого делать ни за что! Я

просто найду эти «Баллады» без его помощи!

Я моталась по книжным развалам в поисках нового тома Вийона, который найти было практически невозможно. И вот Карцев нашел! И даже пообещал подарить мне его на день рождения, как вдруг пропал!

– Твой день рождения ведь не сегодня, – напомнил мне Пенс. – Подожди, может, к тому времени он объявится?

– Он? – вытаращила я в праведном гневе глаза. – Да ты не знаешь этого Карцева! Он нарочно пообещал мне эту книжку, чтобы я ждала, мучилась, в слезах и близкая к отчаянию! Да ради этого он даже в Эмираты эмигрирует!

– Почему в Эмираты? – поинтересовался Пенс.

– Не знаю. Просто там я его точно не найду. Закутается в чадру и станет косить под честную шариатскую дамочку!

Пенс улыбнулся.

Его явно забавляло мое смелое предположение.

– В конце концов, я же могу вспомнить, что я детектив, и найти его! – возмущалась я. – Разве он не знает, что шутить с детективом опасно?

Пенс кивнул, давясь хохотом.

– Почему ты смеешься? – настороженно спросила я.

– Просто, когда ты в гневе, ты очень забавно выглядишь, – честно сказал он.

– Все мужчины заодно, – горько вздохнула я. – Пора вступать в ряды феминисток!

– Ты каждый месяц грозишься это сделать, – заметил

Пенс. – Если ты не пополнила их армию до сей поры, значит, тебе этого не очень и хочется!

– Вот и захочется! – мрачно сообщила я.

Мой тон на него подействовал.

Он замолчал и воткнулся в сто раз перечитанный им том Глена Кука. Потрясающая способность читать одну и ту же книгу много раз подряд! Как будто он собирается выучить ее наизусть...

Походив вокруг него, я поняла, что мои попытки обратить на себя его внимание тщетны. Видно, все решили сегодня довести меня до отчаяния!

Ну и ладно, подумала я, в очередной раз набирая номер Карцева в безумной надежде все-таки поймать этого счастливицу, раздобывшего где-то томик с «Балладами».

Может быть, мне повезет, и я смогу высказать ему все, что думаю по этому поводу! А пока...

– Подвезешь меня до Ларикова? – попросила я.

Пенс с сомнением посмотрел за окно.

Кое-где еще сохранялись белые пятна снега.

– Там асфальт уже, – нагло соврала я.

– Мне кажется, еще снег, – проговорил Пенс. – Может, я подвезу тебя на частнике?

– На чем хочешь, – милостиво разрешила я ему. – Скорей бы уж сошел этот чертов снег! – Летом ты будешь стелать, что готова отдать за него половину жизни, – усмехнулся Пенс.

– Когда это еще будет... Хотя ты прав, лето я не больно-то люблю... «Фонтаны ультрафиолета» иногда достают, но не сейчас. Сейчас от них на душе радостно становится!

Радостно или нет, а на работу ходить нужно. Я вздохнула.

Нет уж, надо выйти замуж за миллионера и преспокойно сидеть дома дни напролет! Вот будет радость – встал часиков в двенадцать и совершенно не знаешь, чем себя занять!

– Пенс, – внимательно посмотрела я на своего друга, – ты не хочешь стать миллионером?

Вопрос мой явно застал его врасплох. Он посмотрел на меня с безграничным удивлением и поинтересовался:

– Зачем?

– Что зачем?

– Зачем мне становиться миллионером?

– Чтобы ты мог стать моим мужем, – доступно объяснила я. – Мне тут пришла в голову мысль, что, если я не выйду замуж за миллионера, моя жизнь так и останется унылой и безрадостной! Может, ты все-таки станешь миллионером?

– Нет, – безжалостно покачал он головой. – Во-первых, я этого не хочу. А во-вторых, у меня это и не получится. Так что тебе придется смириться с унылостью и безрадостностью!

* * *

– Сережа?

Всклобоченная голова показала из-под одеяла.

– Я тебя разбудила?

Он сел, щуря глаза. Фигура матери отказывалась приобрести законченные формы, расплываясь перед глазами в размытое световое пятно.

– Сколько времени? – зевнув, поинтересовался он, стараясь прийти в норму. Да, вредно так много пить. Вредно так много работать. А если ты это совмещаешь?

Последнее время он чувствовал себя жертвой вампира, ей-богу! Вампир был, правда, ненормальный, вместо крови ему для поддержания жизнедеятельности был нужен его интеллект.

– Половина двенадцатого, – сказала мать. – Ты вернулся вчера поздно...

Я вернулся сегодня, и потрясающе рано, усмехнулся он про себя. Было половина пятого утра, и я это помню, несмотря на то что моя голова отказывалась слушаться. Интересно, почему я в состоянии помнить мелочи и совершенно не могу вспомнить, что было вчера? Нет, какой бред! Знать, что ты пил, и совершенно не помнить, с кем!

– Ты говорил, что тебе сегодня надо закончить, – напомнила мать.

– Ага, – кивнул он, потянувшись за сигаретой.

– Сережа! – укоризненно проговорила мать. – Я столько раз просила тебя не курить на голодный желудок! Сначала поешь, а потом хоть на голове выплясывай!

– Хорошо, мам, – он спрятал сигарету назад, в пачку.

– Я тебя жду.

Даже сюда, в его комнату, заваленную бумагами, дискетами и прочим мусором, доносился из кухни дразнящий запах яичницы.

Она вышла.

Он дождался, когда дверь за ней плотно закроется, и закурил.

Просмотрел листы, разложенные перед ним, и отбросил их в сторону.

Потом разыскал в этом нагромождении исписанной бумаги чистый лист и написал:

Блатная бражка, люд фартовый,
Кого на лажу не купить,
Умейте фраера любого
За жабры иль хомут схватить¹.

Заказчик будет доволен.

Какая ему, в самом деле, разница, кто пишет тексты для его кретинских шлягеров – Сережа Аристов или давно умерший Франсуа Монкорбье по кличке Виллон?

---

¹ Здесь и далее перевод «Баллад на цветном жаргоне» Ю. Корнеева. – *Прим. ред.*

Когда я наконец-то явилась на работу, Лариков доверительно беседовал с высоченной, полной дамой. Судя по одежде, передо мной была представительница нашей новой элиты, которую, в отличие от Элизы Дулиттл, никто не решился отучить от манер торговки.

Я приуныла, поскольку по предыдущему опыту знала, что Лариков не преминет свалить эту особу на меня, а таскаться по ее поручениям мне совсем не хотелось.

Словно в подтверждение моих печальных мыслей, Лариков обрадовался, увидев меня на пороге, и воскликнул:
– А вот и Сашенька!

Когда тебя называли уменьшительно-ласкательным именем, нет сомнений, что следующей фразой будет: «Она и займется вами!»

Дама оглянулась на меня, смерила взором, в котором я без труда угадала свою истинную цену – чего уж там говорить, крайне невеликую, по ее расценкам!

Правда, на ее губах с тремя слоями багрово-красной помады тут же появилась доброжелательная улыбка, но глаза... Обмануть меня она не могла. Ее глаза хранили властность и холод рыночной королевы. Эта королева могла немедленно сменить милость на гнев, воскликнув: «Отрубить ей голову!»

– Здравствуйте, – выдавила я из себя улыбку, пытаюсь проскользнуть за пределы видимости, а именно на нашу милую кухоньку, где я с удовольствием выпила бы кофе и занялась бы своими делами.

Но нет! Рок сегодня вовсю разгулялся, демонстрируя мне свою безжалостность.

– Познакомься, Сашенька, это Ирина Тимофеевна, – медоточивым голосом пропел Лариков.

– Очень приятно, – все еще не теряла надежды спастись я. – Я пойду, да?

– Куда? – нахмурился Лариков. – Ирина Тимофеевна к нам по делу. Думаю, тебе интересно послушать.

«Интересно» он произнес с легким нажимом. Вот уж ничего интересного, хотела признаться ему я. Но кто платит, тот всю музыку и лабает, как любит говаривать один мой знакомый музыкант, а Ирина Тимофеевна, судя по ее одежонке, была вполне платежеспособна.

Я покорно села на стул, стараясь удержаться на самом краешке, сложив руки, как примерная ученица, и опустив глаза долу.

Честно говоря, сейчас мне было намного интереснее, куда подевался этот гадкий Карцев, чем сложности жизни Ирины Тимофеевны. И я прикидывала в уме, как мне отказаться тащить на себе дело этой «королевы рынка», не видя пока никакого выхода.

Спустя пятнадцать минут Аристов вышел на улицу.

Несмотря на яркое и теплое солнце, он поежился. Ветер забрался под воротник куртки, напоминая о недавней зиме.

Идти к Барышникову совершенно не хотелось. Оттягивая неизбежный момент встречи с работодателем, Сережа постоял возле киоска с кассетами, полюбовавшись пошленькими красотками, потом долго изучал книги и даже, не удержавшись, истратил последний полтинник на томик Айрис Мэрдок, отчего у него заметно улучшилось настроение, и он пошел уже быстрее по проспекту, к цели, которая совершенно его не привлекала, разве что одним неоспоримым фактором.

Деньги.

Теперь, когда последний полтинник был истрачен, его путешествие обретало пользу и смысл.

Барышников жил в «мажорском» доме. Набережная была уже близко, но и времени не оставалось, поэтому Сережа Аристов теперь почти бежал – великий маэстро тюремного шансона был вельми недоволен постоянными его опозданиями.

А все дело в твоей роже, подумал Сережа. В твоей похабной роже, видеть которую мне все тошнее и тошнее... Вот я и разгуливаю по проспекту, не особенно спеша на наши ра-

достные randеву...

Ах, как бы ему хотелось бросить эти слова в толстое, губастое лицо Барышникова!

Но что бы ни говорили, а материальный фактор управлял его жизнью, и понимая, что занимается худшим видом самоубийства, он продолжал двигаться все дальше и дальше – в пропасть, прекрасно осознавая, что из этой бездны возвращения не будет.

Возле дома он снова замедлил движение и, достав сигарету, с тоской посмотрел наверх, на барышниковские «французские» окна.

– Хоть бы ты оттуда вывалился, – пробормотал он. – Может, нам всем станет легче, когда вся ваша уркаганская поповская братия вывалится в свои «французские» окна?

Возле подъезда полногрудая дама в норковой шубе таскала на поводке туда-сюда унылого далматина. Аристова она окинула высокомерно снисходительным взглядом, безошибочно отнеся его к числу «батраков». То есть учителей, гувернеров, уборщиков и других представителей никчемушной интеллигенции.

Забавляясь ее нарочитой внушительностью, Аристов вполголоса процитировал Вийона:

В ответ напомню лицемеру
Я притчу дивную Христову
Про участь богача скупого,
Что в вечном корчится огне...

Дама не расслышала его слов, но отчего-то нахмурилась, когда, вспомнив благодаря Вийону, что его все-таки ждут, Сережа двинулся в подъезд и прошел мимо нее.

Как будто я бомж, насквозь пропахший нищетой, подумал он, невесело усмехаясь, и набрал код. Дверь, щелкнув, открылась. Его ждали.

* * *

– Чашечку кофе?

Она вытаращилась на Ларикова так, будто тот предложил ей бокал цианистого калия.

Наконец до нее дошло, что ей предлагают, и на губах снова заиграла улыбка:

– Ох, а я вас поначалу и не расслышала! У меня ведь плохо со слухом. Нет, спасибо, не буду. От кофе давление поднимается, да и живот, знаете ли, пучит хуже, чем от гороха...

Я с трудом удержалась от смешка. Лицо Ларикова было непроницаемо-серьезным, и только в глазах мелькала улыбка.

– Тогда чай?

Она снова покачала головой. Я уже представила, как она аргументирует отказ от чая, и поспешно отвернулась к окну.

– Ну что ж... Не хотите, как хотите, – проговорил мой босс, по-прежнему стараясь сохранить невозмутимость.

– Так вот я зачем к вам пришла, – приступила к изложению своих проблем женщина. – Боюсь я. И не только я – мы с Лелей все обсудили и поняли: в милиции нас и слушать не станут, а что-то делать надо! Иначе нас всех переграбят!

– Что с вами сделают? – переспросила я. – Переграбят? Это как?

– Это обворуют. Всех. Подчистую, – чеканя каждое слово, деловито произнесла Ирина Тимофеевна. – Из-за этого Барышников. Больно к нему люди странные ходят. Рвань такая – не приведи господи! Вот я и хотела вас попросить, чтоб вы за этими его посетителями последили. Особенно за одним! Такой длинноволосый, в рваной куртке и старых джинсах. Он там чаще всех бывает... И что их связывать-то может?

– А вы спрашивали у самого Барышникова? – спросил Лариков. – Может быть, это его родственники?

– Да вы что! – ужаснулась женщина. – Нету у него родственников! Одна жена, а родители померли давно! Так что там нечисто! Да и спрашивали мы, он молчит. Сказал мне грубо так, не мое, мол, это дело. Да еще и прибавил, что, если я буду свой нос совать, крупно пожалею! Вот такие у нас дела творятся!

– А кто такой этот ваш Барышников?

– Звезда он, – отмахнулась Ирина Тимофеевна. – Песни поет. Хриплым таким голосом. Воровские песни-то!

Лариков не сводил с меня взгляда.

– Ирина Тимофеевна, – начал он, поняв, что я не собираюсь идти навстречу его тайным, невысказанным желаниям. – Вы понимаете, в чем загвоздка... Один день работы нашего сотрудника стоит очень дорого. Двести долларов в сутки. Надо ли вам так разбазаривать деньги? Мне кажется, будет куда проще, если вы все-таки постараетесь сами еще раз поговорить с вашим соседом. Без нашей помощи!

– Ну нет, – всплеснула она руками. – Я вам лучше заплачу, а вы разговаривайте! Я с этим Барышниковым и под страхом смертной казни не стану говорить!

Я приуныла.

Похоже, разговаривать с этим типом пошлют именно меня... Теперь уже я смотрела на Ларикова умоляюще, но он делал вид, что не замечает моего взгляда.

«Вот зараза», – мысленно выругалась я.

Деться от злой судьбы мне было, увы, совершенно некуда!

* * *

Как только дверь за ней закрылась, я приготовилась к атаке.

Лариков вернулся из прихожей уже не таким «новеньким долларом», каким он старался казаться «высокой гостье». Сразу поймав мое настроение, он среагировал быстрее, чем успела напасть я.

– Саша, это всего один день. Ты смотришь, кто туда при-

ходит. Выясняешь, что за люди. Особенно этот, с длинными волосами, весь рваный... Раз он так пугает дамочек, с него и начни. Потом преспокойно пишешь отчет, что сей отрок ничего не замышляет, и кладешь в карман двести баксов. Тебе это не нравится?

– Давай-ка ты сам это все и сделаешь, – ласково промурлыкала я, поправляя воротник его рубашки. – В конце концов это ведь действительно нетрудно. И деньги тебе нужнее, чем мне.

– Нет уж, Сашенька, – так же ласково сказал гадкий Лариков. – Нет, солнышко! Для меня это слишком легкое дело, я не могу отнять у тебя такой легонький кусочек хлебца с маслом! Ну, ангельчик ты мой!

– А я терпеть не могу этот тип людей, – ответила я. – Делают вид, что им принадлежит весь мир, хотя прекрасно знают, что мир-то не дурак. Он держится совсем не на них. Если бы все было так, как им хочется, мир уже давно треснул бы.

– Ну, может, так у них реализуется комплекс неполноценности? – предположил Ларчик. – Может, их надо жалеть?

– Да жалей, если тебе хочется, – фыркнула я. – А я не буду. Потому что... Ну, что я тебе буду объяснять? Я тоже не люблю, когда мне навязывают свой «стиль лайф», который мне не нравится. И я им ничего своего не навязываю, тогда чего они ко мне суются? В общем, Ларчик, если ты хочешь моей медленной и мучительной смерти, посылай меня туда. Только учти, я не хочу с ними разговаривать!

– А ты с ними и не будешь разговаривать, – заверил он меня. – А с рваными и длинноволосыми ты контактируешь легче, чем я.

– Тогда давай делиться, – кивнула я. – Я вступаю в контакт с загадочным посетителем, узнаю, кто он и что у него там за примочки, а ты соответственно пообщаешься потом с господином Барышниковым. Нельзя же отпускать в логово этого распутника молоденькую пуританку, которой я являюсь!

– А с чего ты взяла, что он распутник?

– Да все они распутники, – отмахнулась я. – Им больше думать не о чем. Только о еде и всякой похабщине. У них же если и есть чего в голове, так всего одна извилина, и та работает над проблемой, как бы побольше захватить.

Он задумался над моим предложением, но быстро понял, что никуда ему тоже не деться, и согласился:

– Ну, хорошо... Согласен. Приступай к оболыщению рваного и длинноволосого. Если ты убедишься, что этот Барышников представляет угрозу для общества...

– Смотря для какого, – рассмеялась я. – Для общества такого же, как он, вряд ли. А так – думаю, они все представляют для нас угрозу.

– Вот и посмотри, в чем эта угроза. Чем этот тип развлекает себя на досуге. Может быть, он и правда связан с «криминалами».

– Приступаю, – вздохнула я, втайне надеясь, что сегодня я обречена на бездействие.

Взяв книгу, я направилась к выходу.

– Позвони, если что узнаешь, – попросил мой безжалостный босс.

– Конечно, позвоню, – пообещала я. – Хотя мне кажется, что все это дело гроша ломаного не стоит...

– Для нас же лучше, – развел руками Лариков. – Чем проще задача, тем мы больше отдыхаем.

И это утверждение было совершенно правильным.

Глава 2

Сережа Аристов не мог понять, почему, едва он ступит за порог барышниковской квартиры, в его душе возникает странное чувство нищего, просящего милостыню. Spина сама собой сгибается, а в глазах, вопреки его желанию, появляется оттенок угодливости.

Зависимости.

Хозяин квартиры, в засаленном махровом халате с вензелями, лениво посмотрел на Сережу и спросил:

– Принес?

Сережа торопливо кивнул, протягивая листок с текстом.

Барышников благосклонно принял подношение и надел на нос тяжеленные очки.

Сережа подозревал, что эти очки Барышников носит для «убедительности», а на деле там вставлены простые стекла.

Прислонившись к стене, он наблюдал за своим хозяином.

У Барышникова было полное лицо с отвислыми, как у сенбернара, щеками-брылями и круглыми небольшими глазами, мягко утопающими в складочках благодушного жирка. Глядя на его лицо, Сережа иногда думал, что все «новые русские» явно воспитывались на бессмертном «Мистере Твистере» и теперь по мере сил пытались соответствовать единственному известному им образцу «капиталиста».

Еще у Барышникова был крупный, мясистый нос с сини-

ми прожилками и мерзопакостными бугорками, отчего Сереже было его жалко. Потому что за Барышниковым уже охотилась старость, а смиряться со старостью и многочисленными «нельзя» Барышников не мог.

– Пройди, – коротко приказал хозяин. – Кофе тебе налью. С коньяком.

В очередной раз услышав такое не терпящее возражений предложение, Сережа усмехнулся про себя. Само собой подразумевалось, что чертов кофе с чертовым коньяком недоступен нищему поэтику, а ежели бы был доступен, это уже нарушало бы правило его, Барышникова, игры. Его «диктатуры существования».

Он вошел в комнату, старательно стилизованную под старину, с непременными патриотическими иконами. Эти иконы, как и постоянные перекрещивания лба, не были свидетельством барышниковской веры в бога. Им отводилась довольно скромная роль. Часть имиджа, которому Барышников был обязан соответствовать, чтобы нравиться публике.

Барышников выполнил свое обещание, и Сережа откинулся на спинку кресла, наслаждаясь вкусом кофе. Барышников углубился в чтение, коротко посмеиваясь.

– А ты гений у нас, парень, – выдал он поощрительный приз. – Теперь Маринка слабает музыку, и все будет в порядке.

– А... она должна сегодня это сделать?

Сережа старался скрыть охватившее его волнение, но

слегка охрипший голос выдавал его с головой.

– Придет, – кивнул толстокожий Барышников, который пароксизма Сережиной страсти не заметил. Впрочем, как он не замечал вообще ничего, кроме свой царственной особы.

– Вот это грубовато, не находишь?

– Что? – спросил Сережа.

– Да вот... «Уж лучше трахать, чем копить, пока вам не свернут хлебало». Перегибаешь, тебе не кажется?

Сережа чуть не рассмеялся. Но вовремя наступил на горло рвущемуся из груди хохоту и совершенно серьезно спросил:

– А как лучше?

«Сейчас этот придурок начнет править Вийона, – подумал он, сквозь ресницы рассматривая Барышникова, который теперь напоминал ему Тартюфа. – Становится интересно!»

– Сам подумай, ну что это за «трахать»? Слово-то грязное. Может, лучше написать – заниматься сексом? Из ритма не очень и выпадает. Не возражаешь, если подправлю?

Сережа милостиво кивнул. В конце концов правят-то не его, а Франсуа Монкорбье, вот пускай Вийон ему иски и вчиняет.

Теперь ситуация его изрядно забавляла. Идея заставить великого француза работать «негром-текстовиком» у этого толстого борова с задумчиво-хрипатым голосом показалась ему вполне симпатичной. «Думаю, и самого Вийона эта ситуация позабавила бы несказанно... Сидит этакий лох в бла-

ном прикиде, с очками на кончике носа, и, высунув язык аж до яиц, правит Вийона, в немом восторге от собственной тупости!»

– Теперь хорошо стало, – причмокнул языком от удовольствия Барышников. – Ты не обижайся, но чувства слушателя надо уважать. Так что на будущее следи за своим сленгом.

Сережа уже с трудом сдерживал хохот. На глазах даже появились слезы, но Барышников не обратил на это внимания. Или решил, что Сережа расстроен.

Во всяком случае, он равнодушно окинул взором Сережину фигуру, встал, открыл секретер и достал оттуда пять сотенных купюр.

Протянув их Сереже жестом монарха, он выразительно подождал благодарных слов, и Сережа тут же пискнул:

– Спасибо большое.

В принципе он перестал уже чувствовать уколы совести из-за того, что этот гонорар ему заработал Вийон. Ведь они с Маринкой зарабатывают для Барышникова куда больше...

«Такова судьба поэтов, Франсуа, – подумал он. – Раз уж таков существующий порядок вещей, куда нам от этого деться? Глупо бороться с реальностью, как бы пошла она ни была!»

* * *

Везет же мне на идиотские поручения, думала я, подходя

к «объекту слежки». Господи, вот уж точно, некуда людям деньги девать! Надо же додуматься – нанять частного детектива, чтобы выяснить, чем занимается твой сосед по дому!

Хотя, конечно, домишко был весьма презентабельный!

Внизу были выложены желтым и красным кирпичом какие-то узоры, под стать ковровым, наверху торчали три башенки, и сам дом так и сиял благополучием и уверенностью в завтрашнем дне, как и его хозяева.

К слову сказать, я чувствовала тут себя в своих джинсах и старой куртке тоже не очень-то к месту. Вполне могу быть расценена здешними аборигенами как подозрительная личность, между прочим. Надо было Ирине Тимофеевне позаботиться о моем внешнем облике. То есть приодеть меня подороже и «поприличнее», дабы я соответствовала общему типу здешних мест.

Усевшись на скамейку, я достала книжку и уткнулась в нее, краешком глаза наблюдая за массивной входной дверью.

Пока в это милое гнездышко никто не входил и никто не спешил его покинуть.

Полчаса я спокойно читала, потом из дверей выкатилась тетка в коже, у которой я вызвала подозрения – она скосила на меня глаза и что-то пробормотала. На всякий случай я ее щелкнула. Она прошла мимо меня, еще раз оглянулась в мою сторону неодобрительно и пошла к мини-маркету, расположенному неподалеку.

Потом мимо меня прошелестел солидный господин с объ-

емным пузиком, который тоже окинул меня взглядом и даже причмокнул полными губищами. Он исчез в доме, а я его, естественно, злорадно запечатлела на фотопленку – нечего так похотливо причмокивать!

Некоторое время во дворе царил почти могильный покой, нарушаемый только отдаленным гулом проспекта.

Я уже была опечалена таким плохим уловом, как вдруг дверь открылась и из дома появился парень. В рваных джинсах. С длинными волосами. Как и описывали. Совершенно не подходящий своим «хипповским» имиджем и умными глазами здешнему благопристойному ландшафту.

Естественно, я щелкнула фотоаппаратом и только после этого заметила, что парень остановился, застыл на месте и с непонятной радостью пялится на меня, как на старую и добрую знакомую.

Присмотревшись, я издала радостный вопль.

– Сашка, это все-таки ты? – спросил мой давний знакомец и однокурсник Сережка Аристов. – Черт побери, а я не могу понять, ты это или мираж, потому что совершенно недоступно моему пониманию, как ты могла оказаться в здешних зловонных джунглях!

– Точно такой же вопрос я могу задать тебе, – усмехнулась я. – Какого черта ты тут делаешь? Неужели разбогател настолько, что купил квартиру в этом доме?

– Я что, похож на владельца местных апартаментов? – улыбнулся он. – Нет, я тут... работаю.

От меня не укрылась пауза-заминка, и я мгновенно на-пряглась.

– И кем? Убираешь квартиры? – невинно поинтересова-лась я.

– Нет, – покачал он головой. – У меня несколько иная ра-бота. Но я не могу о ней распространяться. Ты-то тут как оказалась?

– Работаю, – ответила я, мстительно улыбаясь тому, что и на его лице появилось замешательство. – И тоже не могу распространяться о работе, представь себе.

В это время в дом вошел еще один подозрительный, на мой взгляд, тип, и я щелкнула фотоаппаратом. Мое движе-ние Сережка заметил и насупился.

– Зачем ты Воронова сфотографировала? – поинтересо-вался он. – Ты что, переквалифицировалась в фотографы?

– Нет, в управдомы, – огрызнулась я. – Я частный сы-щик, ласточка ты моя. И мне бесконечно интересно, на ка-кой скользкий путь ты встал. Ты, случайно, не к Барышни-кову приходил?

Он вытаращился на меня и пробормотал:

– Откуда...

– От верблюда, наверное, – пожала я плечами. – Расска-жи мне лучше, что за тип этот ваш Барышников, я все это запишу и честно отчитаюсь перед здешними тетками, что вы не замышляете вооруженные ограбления их бесценных квар-тир!

– Что?!

Он потер ладонью лоб.

– Нет, Сашка, все это надо бы переварить. Ты – частный детектив... Это уже выходит за пределы моего понимания! Ты же классная переводчица!

– Ага, классная, – хмыкнула я. – Может быть, ты мне подскажешь, где у нас хорошо зарабатывают переводчики? Вот я и сменила профессию. Так что у вас за странные «междусобойчики» с господином Барышниковым? Я никак не могу представить вас вместе.

– Долгая история, честное слово, Саша! Но мы никого не собираемся грабить. Просто тайна эта не моя.

– Не надо меня интриговать, а? – попросила я. – В конце концов, я же не собираюсь сдавать тебя властям. Просто скромно сообщу Ирине Тимофеевне, что ты не вор. Не террорист. Ходишь к Барышникову попеть романсы и арии из «Князя Игоря».

– Что-то в этом роде, – рассмеялся он. – Пойдем в кафе, выпьем по чашке кофе. И я тебе расскажу, чем я занимаюсь, только под большим секретом, ладно?

В это время мимо нас снова прошествовала «кожаная леди», возвращающаяся из мини-маркета. К моему удивлению, пакетик в ее руке был полупустым – впрочем, может быть, она просто следит за весом?

Я вздохнула. Как бы мне все-таки собраться с силами и сесть на диету?

У меня с этим как-то не получалось. Все мои благие порывы уже вымостили мне прямую дорогу в ад. А вот эта леди обладает неплохой фигурой и старается держаться в форме, что весьма похвально. Не то что Александра Сергеевна, которая потребляет огромное количество калорий в виде кофе.

Хотя почему это я решила, что «кожаная красавица» не несет в своем пакетике именно кофе?

«Или ручную гранату», – подумала я, хихикнув про себя, продолжая наблюдать за этой особой.

Она вошла в подъезд.

Я снова спрятала фотоаппарат и с сомнением посмотрела на дом.

Торчать тут мне уже надоело, к тому же я немного замерзла. Предложение Аристова показалось мне весьма заманчивым.

– Ладно, в конце концов, ты мне все расскажешь, и я составлю «докладную записку» с твоих слов, – смирилась я с отсутствием душевной твердости.

Дурацкое задание, а «каков вопрос – таков ответ», успокоила я свою не очень-то проснувшуюся совесть.

– Пошли?

Я посмотрела на Сережку.

Он вдруг застыл, глядя в глубь улицы с таким восхищенно-умиленным выражением, что я невольно обернулась.

Девушка, идущая по переулку, была само очарование. Огромные сияющие бирюзовые глаза были густо окаймлены

черными длинными ресницами, а короткая стрижка делала ее похожей на юную Одри Хепберн.

– Маринка, привет, – почти сдавленно, но храня в обертонах голоса нежность, проговорил Аристов.

Она остановилась на одно мгновение, и черты ее лица, до этого напряженные, расслабились в легкой улыбке.

– Привет, Сереженька, – пропела она.

Голосок у нее был удивительный – мне показалось, что в воздухе рассыпались и погасли звезды-колокольчики.

– Ты к нему?

– Ага, – кивнула она и, скорчив очаровательную гримаску, призналась: – Так не хочется! Ты принес текст?

– Да, – немного неуверенно сказал он. – Ты долго у него собираешься быть?

– Не знаю, – пожала она плечиком.

– Если успеешь, мы будем в кафе.

– Ты нас, может быть, познакомишь? – встряла я в разговор.

– Ах да. Это Саша. Моя однокурсница. А это... Марина. Она из консерватории.

– Очень приятно, – улыбнулась девушка, и я позавидовала белизне и ровности ее зубов. – Я постараюсь побыстрее избавиться от Барышника. На всякий случай подождите меня там полчаса, ага?

Мы согласились.

Она исчезла за дверью, а Сережка все стоял на месте. Его

глаза были мечтательными, будто перед ним уже возникли картины их безоблачного будущего с Мариной.

– Пойдем, – дернула я его за рукав. – А то ты мне ничего не успеешь рассказать!

* * *

– В общем, я пишу всю эту смурь, а Маринка музыку, – рассказывал он мне уже в кафе. – Если честно, меня и самого тошнит. Но он платит хорошо, и мы могли бы тихо радоваться...

– Кстати, что он за тип, этот Барышников?

– Не знаю. Ничего определенного. Он неприятная личность, даже внешне... Как будто провел всю жизнь на зоне. Но это не так. На самом деле он закончил отделение народных инструментов в музыкальном училище и играл на аккордеоне в оркестре. Кажется, аккомпанировал какому-то хору – в общем, у него вполне респектабельное прошлое. Потом понял, что в моду вошел «блатняк», и решил попробовать себя в роли звезды шоу-бизнеса. Как ни странно, у него это получается! Вот только с песнями плоховато. Петь «народные-хороводные» уже не актуально, их почти все распевают – даже эстрадные звезды. Вот он и начал сам тужиться, да ничего пристойного не получилось. Я сидел без работы, и когда мне предложили этакую «халяву», я не отказался. Сначала я просто чумился от души, потом мне начало

все надоедать, но поезд уже ушел. Маринке проще, она лепит свои три «задушевных» аккорда, а моя голова уже устала от тюремной специфики. Так что последний опус я отнес не свой. Вийона.

– Что?!

– Да из «Баллад на цветном жаргоне». Эти, знаешь? «Уж коль моргнут «Атас! Менты!», не жди, чтоб повторили «Шуба!»...»

– О черт! – вскричала я. – Где ты их раздобыл? Я не могу выпросить их у Карцева!

– Я тебе дам, – пообещал он.

– Слушай, – дошло до меня, – ты же рискуешь! А если это обнаружат?

– Те, кто слушает эти песнюшки, не читают Вийона, – отпарировал он. – И наоборот!

– Все равно, – покачала я головой. – «Красавцы, розы с ваших шляп вам снимут вместе с головою, коль в краже уличат...»

– Не страшно, – рассмеялся он. – Никто этого не заметит. Тем более что в данный момент Барышников правит «мой» текст в собственном вкусе. Не думаю, что после его правки кто-то узнает Вийона!

– Ладно, в конце концов, твое дело, – сказала я. – Спасибо, что просветил меня насчет опасений барышниковских соседок. Так им и объясню, что ты помогаешь «великоблатному маэстро» с текстами...

– Лучше скажи, что я их ретуширую, – взмолился он. – Не отнимай у бедняка кусок хлеба с маслицем!

– Да успокойся ты, – отмахнулась я. – Я найду, что сказать старушенциям!

Мне было уже пора.

– Ты остаешься? – спросила я у него.

Он посмотрел на часы и кивнул:

– Да, я дождусь Маринку. Хотя, конечно, ждать придется долго...

– Нет, – я показала на дверь. – Она уже тут. Так что пока, звони, если будут проблемы...

Я сунула ему в карман визитную карточку.

Марина стояла в дверях, напряженно всматриваясь в полумрак кафе. Наконец она нас увидела и быстрыми шагами пошла к нашему столику.

В неприятно-зеленоватом освещении ее лицо показалось мне неестественно-бледным, а глаза расширившимися от неведомого мне страха.

Впрочем, на ее губах тут же появилась дежурная улыбка, вернувшая ее облику человечность, и она с сожалением спросила:

– Уже уходите?

– Да, мне пора, – развела я руками. – Надеюсь, мы еще как-нибудь встретимся...

– Надеюсь, – согласилась Марина.

– Пока, и удачи вам на творческом поприще!

Я пошла к выходу. Но успела услышать тихий вопрос Аристов:

– Маринка, что случилось? На тебе лица нет!

Я остановилась, думая, не вернуться ли мне, но потом решила, что это их личные дела, а они к моему делу никоим образом не относятся.

Правда, на пороге я оглянулась.

Они сидели, склонившись друг к другу. Сережка держал Марину за руку, а она что-то ему говорила быстро и горячо, и, судя по его глазам, слышать это ему было не очень-то приятно. Он покусывал губы, но сдерживался, продолжая успокаивать свою встревоженную возлюбленную мягкими поглаживаниями руки.

В принципе, они красивая парочка, отметила я. Наверное, этот Барышников, который, судя по Сережиному рассказу, очень неприятный тип, имеет наглость приставать к очаровательной Марине с грязными намерениями.

Мне стало грустно. Я вспомнила свою клиентку и мрачно усмехнулась.

Надо же быть такой напыщенной индюшкой, чтобы подозревать в дурных умыслах людей, одетых беднее, чем ей хочется!

На мой взгляд, Марина и Сергей способны были вызвать куда меньше подозрений в преступных умыслах, чем «репектабельный» сосед Ирины Тимофеевны.

Впрочем, равно как и сама моя клиентка.

Глава 3

К Ларикову я приехала страшно уставшей. Уже начинало смеркаться, и погода ухудшилась, поэтому я предстала перед ним довольно расстроенной и злой.

– Вот, – отдала я ему пленку. – Можешь выяснять, кто эти люди. Мне удалось установить только две личности, но думается мне, именно они вызывали стойкие подозрения в посягательстве на собственность Ирины Тимофеевны...

– И чего мы так злимся? – миролюбиво спросил босс.

– Сам бы там посидел, как кретин, – огрызнулась я. – По счастью, тип в рваной куртке оказался моим знакомым и даже напоил меня кофе. Чего вовеки не сделала бы Ирина Тимофеевна...

– Может быть, она бы разорилась и на коньяк, – смело предположил Лариков.

– Сейчас, – усмехнулась я. – Судя по ее физиономии, ей и корочки хлеба жалко для нищего!

Он поднял на меня глаза и покачал головой укоризненно.

– Сашка! Нельзя же так раздражаться! Что она тебе сделала?

– Ничего, – пожала я плечом. – Только вынудила торчать около ее дурацкого дома, наблюдая за ее дурацкими соседями и чувствуя себя при этом полным «чайником»!

– Ну, хотя бы не пустым, – попробовал пошутить Лариков.

– Плоско, сударь, – холодно отрезала я. – Если не умеешь чего-то делать, не берись. Это касательно твоего остроумия... Если тебе сказали, что оно свойственно твоей натуре, тебя обманули.

После сей словесной эскапады я сочла себя вполне удовлетворенной и с гордым видом отчалила на кухню, где сварила себе еще кофе; хотя, пока я его варила, немного поостыла и пришла к выводу, что на Ларчика я налетела зря.

Наверное, еще через несколько мгновений я была бы готова попросить у него прощения за свое отвратное поведение, но в дверь позвонили, и он подал голос:

– Саша! Открой, пожалуйста!

Ну, конечно! Как открывать дверь, так это только Саша. Сидеть в кустах, наблюдая за особенностями жизни толсто-сумов, – это тоже только Саша. В общем, всю грязную работу валят на меня, унижая мое женское достоинство.

Поэтому я процедила сквозь зубы:

– Сейчас...

Вложив в это шипение всю степень своего презрения.

Открыв дверь, я увидела внушительную фигуру Ирины Тимофеевны.

– Сашенька, девочка моя, – радостно пропела она, пытаюсь придать своему коровьему лицу выражение, свойственное представительнице королевской династии. – Ну, и как у нас дела?

– Проходите, – проговорила я, пытаюсь скрыть свои чув-

ства за вежливой улыбкой.

– Но успехи-то есть? – тревожно поинтересовалась она.

– Смотря чего вы от этого ожидали, – сказала я. – Никаких подозрительных личностей я там не обнаружила. Впрочем, посмотрите фотографии сами... Может быть, сегодня «воры в законе» решили не собираться на сходку в квартире господина Барышникова?

– Леля сказала, что опять крутились весь день, – развела руками моя клиентка. – Но давайте-ка взглянем, что там за люди были...

Смело предположив, что я и была той самой подозрительной личностью, которая весь день, как ворон, ожидающий добычи, кружила над уютным миром загадочной Лели, я достала фотографии и сразу показала на Сережу Аристову и Марину.

– Вот этих ребят я знаю. Парень – филолог, помогает Барышникову править тексты. Девушка – музыкант. Так что они сразу отпадают. Хотя к Барышникову ходят именно они. Вы про них говорили?

– Нет, – покачала она головой. – Леля, правда, боялась вот этого паренька, – она ткнула в Сережу, – но я говорила не только о нем.

Она внимательно просмотрела фотографии и вытянула из стопки фотографию девицы в коже.

– Вот эта баба мне не нравится. И она, выходит, сегодня снова тут была...

– А мужчина?

– Ну, это Виктор Сергеевич Таманцев. Он живет в нашем доме, так что... Нет, я говорила про эту вот дамочку. Несколько раз я ее заставляла в нашем подъезде. Она просто стояла у окна и курила... Я ее спросила, к кому она. Она сказала, что это не мое дело. Я пригрозила милицией. Тогда она сообщила мне, что пришла к Барышникову. Вы о ней что-нибудь узнали?

Я покачала головой:

– Нет... Думаю, с этим придется подождать до завтра. Может быть, Андрею Петровичу удастся что-нибудь выяснить? Если вам это так нужно, что вас не остановит необходимость выложить еще двести баксов...

О, как я надеялась, что она оставит эту свою затею! Ну, пожалуйста, взмолилась я, наблюдая за ее душевной борьбой, пусть жадность победит! Сделай так, господи, и я люблю всех своих ближних, даже этих!

– Тем более что вряд ли эта женщина представляет собой угрозу обществу, – добавила я.

– Да ладно, – махнула она рукой.

Из моей груди уже вырвался вздох облегчения, но радость моя оказалась преждевременной.

– Что мне на эти баксы-то смотреть? – усмехнулась Ирина Тимофеевна. – Вы все-таки проверьте эту мадамочку. Не нравится она мне, видит бог, не нравится! Того и гляди произойдет в нашем доме беда, а я вроде как проглядела...

Я стиснула зубы. Теперь я была готова издать вопль отчаяния.

В это время в комнату вошел Лариков, и я мстительно улыбнулась.

В конце концов, ведь именно он должен был выяснить, кто эти люди! А моя задача уже выполнена, вот так-то, господин Лариков!

* * *

Я не вслушивалась в их задушевную беседу.

Удалившись на кухню, я принялась за свой остывший кофе, наслаждаясь тишиной и относительным покоем.

«Саша сделала свое дело, Саша может отдыхать», – перифразировала я известную цитату про мавра.

Уставшему до смерти человеку много ли надо для счастья? Даже неизбежность прогулки по промозглым от дождя улицам не пугала меня – ведь пойду-то я домой!

Позволив себе улыбку, я прислушалась к голосам в комнате. Лариков и Ирина Тимофеевна о чем-то горячо спорили. Почему-то в гневе Ирина Тимофеевна любит говорить басом, с удивлением отметила я. Смысл их спора оставался для меня неизвестным, и я легко подавила природное любопытство – а ну их, в самом деле!

Тоже мне, нашли террориста – Сережку Аристова!

Лично мне сей типус был куда более известен, и я-то зна-

да, что из него террорист, как из меня фигуристка!

Сереежа и собственной-то крови боялся, бледнея при малейшем порезе.

Да и его девушка тоже оказалась мне существом не от мира сего. Конечно, странное у них ремесло, так и у меня оно тоже весьма странное! Кому уж как повезет. Одна моя сокурсница вообще подрядилась на базаре курами торговать, и неизвестно, что лучше – как мы с Сереежкой или как она!

Это вот Пенсу хорошо – программисты всегда будут нужны, а нам куда деваться с нашими «мертвыми языками»? Аристов изучал латынь, так ему надо работать переводчиком при древних римлянах, а где их сейчас раздобудешь?

Беседа в комнате подходила к завершению. Теперь они оба говорили тихо и спокойно.

Потом я услышала громкое: «До завтра!» и подавила тяжеленный вздох.

Значит, наша гостья пожелует и завтра...

Раздались быстрые шаги, и на пороге возникла фигура моего босса.

Волосы у него были всклокочены, как если бы нашей посетительнице вздумалось по-дружески потрепать беднягу своей могучей дланью по голове.

Издав протяжный стон, он тяжело опустился на стул и спросил меня:

– Морковка, радость моя, ну почему некоторые люди так невыносимы?

– Ты это про меня? – осторожно поинтересовалась я.

– Нет, про Ирину Тимофеевну, – простонал он. – Это же монстр какой-то! Я два часа...

– Час, – поправила я его.

– Что? – не понял он.

– Час, – повторила я. – Ты разговаривал с ней не два часа, а один час. Я засекала время.

– Господи, да какая разница, – отмахнулся он. – Я пытался ее убедить, что она придумывает глупости, что следить за людьми просто так мы не можем, но она обеими руками вцепилась в дурацкую идею о тайных заговорах против ее имущества! Что за мерзкая баба, с ума можно сойти!

– Завтра ею будешь заниматься ты, – напомнила я.

– Данич, помилосердствуй! Я и так...

– Ты не сидел по ее наводке перед домом, – напомнила ему я. – Так что разговоры бессмысленны. И у меня завтра выходной день, между прочим. Должна же я подготовиться к своему дню рождения!

– Ой, я и забыл, – мгновенно растаял он. – Прости, маленький... Конечно, я завтра займусь этой девицей, хотя...

Он запнулся на полуслове, мечтательно уставившись на потолок.

– Что? – поинтересовалась я. – Тебя посетила мысль, и ты не знаешь, что делать с этим феноменом?

– Да оставь, – отмахнулся он. – Тебе не кажется подозрительной вся эта ситуация?

– С «кожаной леди»?

– Да нет! С самой Ириной Тимофеевной. С какой стати она призывает нас отследить всех входящих и выходящих из квартиры Барышникова?

– Бойтся за свои брюлики, – пожала я плечами.

– А зачем она фокусирует наше внимание именно на нем? Тебе не кажется, что она хочет с нашей помощью собрать на бедолагу компромат?

На мой взгляд, слово «бедолага» с боровом Барышниковым как-то плохо вязалось.

– И зачем ей это понадобилось?

– Откуда я знаю? – развел он руками. – Будь моя воля, я бы разобрался прежде всего с нашей Ириной Тимофеевной...

Я застыла, так и не донеся чашку до рта.

Умозаключение моего начальника подействовало на меня ошеломляюще.

– Что ты на меня так смотришь? – осторожно поинтересовался он. – Я кажусь тебе сумасшедшим?

– В принципе, да, – призналась я. – Но я не удивляюсь этому. Общение с Ириной Тимофеевной может довести до такого состояния кого угодно! Даже человека с более крепкими нервами, чем у тебя! Дело, брат мой, в другом. Похоже, она каким-то неизвестным мне, возможно, парапсихологическим способом сумела повлиять на твое сознание.

– Как это?

– Да очень просто, – улыбнулась я ему ободряюще. – Ты

тоже начал страдать манией преследования.

– Очень хорошо, – обиженно пробормотал Лариков. – Значит, я кажусь тебе психом?

– Надеюсь, это временное помешательство, – успокоила я его.

– И почему, позволь поинтересоваться?

– Господи, Ларчик! – поморщилась я. – Ну, посмотри ты на это дело реально! Баба свихнулась на собственной значимости. Возомнила себя «домовым генералом». Судя по ее рассказам, там наличествует еще одна такая же «домохозяйка». Вот они вдвоем и впадают в оголтелый маразм, пытаясь от скуки придумать себе и нам, бедным, развлечения! И сама она никаких компроматов не собирает, да и куда бы она их понесла? Кому интересно, кто посещает этого толстого Барышникова, если и так всем известно, что наши поповики – народец развратный? Так что глотни лучше остывшего кофе и приди в себя. Мир прост и прекрасен, и не надо его усложнять. Завтра ты просто выяснишь, что дама в коже – любовница Барышникова, и наша клиентка успокоится. Придумает себе новую загогулину в мозгах, но наша печаль пойдет на убыль, поскольку отныне, завидев ее массивный торс, мы будем прятаться под кровать, чтобы снова не оказаться в ее свинцовых объятиях!

Он выслушал меня, и, слава богу, в его глазах вновь появилась ранее присущая ему трезвость мысли.

– А ты, наверное, права, – задумчиво проговорил он, гля-

дя на меня с трогательным восхищением. – Просто она меня достала...

– Она и меня умудрилась достать, – развела я руками. – Увы, такова сущность этой породы людей... Специально созданы богом, чтобы наша жизнь не была чересчур легка! Деньги-то она хоть заплатила?

– Нет, – грустно покачал головой Лариков. – Обещала заплатить завтра. Когда мы выясним все насчет «кожаной тет-ки»...

– Вот почему ты решил, что она мошенница, – без особенного труда догадалась я. – Да не расстраивайся, Андрюшенька!

– Ага, – хмыкнул мой босс, явно не понимая моего умиротворенного состояния. – У нас, между прочим, денег нет! Стал бы я связываться с этой кикиморой, если бы с этими проклятыми финансами было все в порядке!

– Такова наша жизнь, – вздохнула я. – Деньги, впрочем, не главное в жизни, моя радость!

– Понятно, что не главное... А что тогда главное?

Я зажмурилась, вспоминая лица Аристова и Марины. Несмотря на грусть, в глубине их глаз таилось счастье, готовое выплеснуться оттуда в любую минуту.

– Наверное, любовь, – подумала я вслух, не обращая внимания на озадаченный взгляд Ларикова.

Первый раз я оценила справедливость лариковской печали по поводу обрушившегося на нас безденежья, когда вышла на потемневшую улицу. Моросил противный дождь, под ногами было скользко и сыро, а денег на машину у меня, увы, не было!

Я бросила в небеса просящий помощи взгляд и поплелась на трамвай.

Подняв воротник, я шла по проспекту и раздумывала о превратностях судьбы.

Из ресторана выкатилась кучка граждан, и судя по их покрасневшим от выпитого лицам, мои финансовые затруднения им были незнакомы.

– Все-таки это не очень справедливо, – тихо проворчала я, глядя на их визгливо хихикающих подруг, которые поспешно заталкивались в такси.

Присмотревшись, я ойкнула.

Одной из дам, представьте себе, была наша посетительница, а в отдалении я заметила неподвижно застывшую фигуру.

Лица ее не было видно, но мне показалось, что оно повернуто к этой разудалой компании.

«Надо же, так набраться за какие-то два часа», – подумала я, глядя на Ирину Тимофеевну, которая теперь игриво брыкалась, пытаясь заехать грязным сапожком в нос седо-

власому джентльмену, у которого от восторга и предвкушения бурной и страстной ночи с моей визави отвисла нижняя губа.

Переведя снова взгляд на таинственную фигуру, я увидела, что она быстрыми шагами движется прочь, унося с собой загадку.

По легкости походки я узнала ее.

Наша «кожаная дамочка»...

«О-о, – озадаченно подумала я. – Интересно, что она тут делала? Была ли она здесь случайно или эта «случайность» хорошо спланирована?»

Компания тем временем загрузилась в такси и отъехала.

Что тут все-таки делала эта «кожаная леди»? Какая нить связывает ее с Ириной Тимофеевной?

В том, что эта нить наличествовала, сомнений у меня не возникало. Поэтому я еще раз, прищурившись, взглянула туда, где недавно стояла безмолвная фигура.

Чего она хотела?

«Да чего угодно, – проворчала я про себя. – Мало ли чего... Ты сейчас все равно не сможешь узнать. Да и надо ли это тебе? Может быть, она ее внебрачная дочь?»

Я двинулась дальше, думая о даме в кожаном, поскольку теперь...

Да, да, теперь я с удивлением обнаружила, что эта нечаянная встреча разбудила мое любопытство. Теперь эта история, хотя и продолжала казаться мне чрезвычайно дурацкой,

стала интересна.

Так интересна, что я думала об этом по дороге домой.

* * *

Всю ночь за окном моросил этот треклятый дождь, смешанный со снегом.

Я долго не могла заснуть, слушая его заунывный шум, и настроение у меня было, прямо скажем, какое-то загробное.

Может быть, поэтому, как только я заснула, пересчитав тысячное поголовье слонов, я оказалась в довольно мрачном месте, которое с виду напоминало тот самый дом, где проживал Барышников вкупе с Ириной Тимофеевной, только на самом деле это был какой-то старинный замок графа Дракулы.

Я сидела на той же самой лавочке и занималась тем же делом – то есть своим шпионажем.

Попросту говоря, фотографировала, несмотря на погоду, которая была точь-в-точь как за окном.

Трезвость мысли я при этом сохраняла, поскольку ворчала на Ларикова, отправившего меня фотографировать в такую дождливую ночь этот «бомонд».

Дверь скрипнула, и в проеме показались Ирина Тимофеевна со своей подругой. Лица подруги я не видела, так как она предусмотрительно закрылась от меня черной вуалью, а Ирина Тимофеевна была хорошо видна. Хотя она теперь бы-

ла печальна и под глазами залегли черные круги, я могла поклясться, что, когда ее никто не видит, она ухмыляется вампирской улыбкой, от которой в жилах леденеет кровь.

Они остановились, открыв дверь шире, и тогда...

Я застыла, чувствуя, как мое сердце замерло, а потом бесшумно застучало, потому что из дверей выносили огромный гроб, и я почему-то не сомневалась, что в этом гробу лежит Барышников собственной персоной.

Вся эта процессия остановилась и медленно развернулась ко мне.

Кровь застыла в моих жилах. Я боялась вздохнуть, но они смотрели на меня, и в их глазах полыхал дьявольский огонь.

– Отрезать ей голову, чтобы не совала свой нос в наши дела, – приказала Ирина Тимофеевна, сверкая единственным бриллиантовым зубом.

Я отшатнулась.

Они начали раскачивать гроб, а потом швырнули его прямо в меня.

Я заорала, пытаясь прикрыть лицо руками, и – проснулась...

За окнами продолжал моросить дождь. В комнате еще царила темнота, и часы показывали четыре утра.

Я с облегчением откинулась снова на подушки и пробормотала:

– Вот ведь какая гадость снится после общения с Ириной Тимофеевной!

Сейчас далекая от романтики реальность казалась мне восхитительной.

Я полностью окунулась в ее счастливое очарование и снова заснула, пожелав себе на сей раз обойтись без дурацких сновидений.

Глава 4

Утро, как ни странно, выдалось солнечным и спокойным, будто не было ночью этой дьявольской погоды, из-за которой меня мучили кошмары.

Несмотря на выходной, я рано проснулась, и от обилия солнечного света меня посетила нехорошая мысль, что я умудрилась проспять часов до двенадцати.

Я в ужасе подскочила на кровати и посмотрела на часы.
Уф!

Я плюхнулась назад, на подушку. Оказывается, просто сейчас стали рано зажигать солнце, Александра, объяснила я себе. Еще только половина седьмого утра, и ты можешь спать и дальше, поскольку сегодня «на дело» идет Лариков.

Я не то чтобы была злобной личностью с мстительными замашками, но отчего-то мысль о том, что сегодня полным идиотом будет выглядеть Ларчик, а не я, согрела мою душу.

«Вот ведь радость-то какая», – улыбнулась я. Пускай он там изображает из себя фотографа или выясняет подробности жизни господина Барышникова... Хотя к вечеру его вполне могут посетить разные дурацкие мысли, вроде вчерашней, но это ничего. Это можно перетерпеть...

Воспоминание о вчерашнем вечере в свете солнечных лучей потеряло свой жутковатый антураж, да и не волновало меня больше, зачем «кожаная леди» следила за Ириной Ти-

мофеевной. По трезвом размышлении, я нашла кучу оправданий ее странному поступку.

Например, она тоже частный детектив, только ее нанял Барышников, которому кажутся подозрительными посетители Ирины Тимофеевны. А может быть, это все-таки ее внебрачная дочь, и она хочет понять, стоит ли ей намекать на родство или обойтись без оногo?

Чем дольше я раздумывала, тем меньше мне хотелось спать.

На кухне уже были слышны движения, мама встала. Судя по запаху, она теперь варила кофе.

Ко-фе...

Я вскочила на кровати, блаженно втягивая носом восхитительный аромат. Все мои благие порывы сесть на диету немедленно растаяли, уступая место единственному желанию – срочно рвануться на кухню, пока моя мамаша не выпила всю джезву, думая, что я сплю!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.